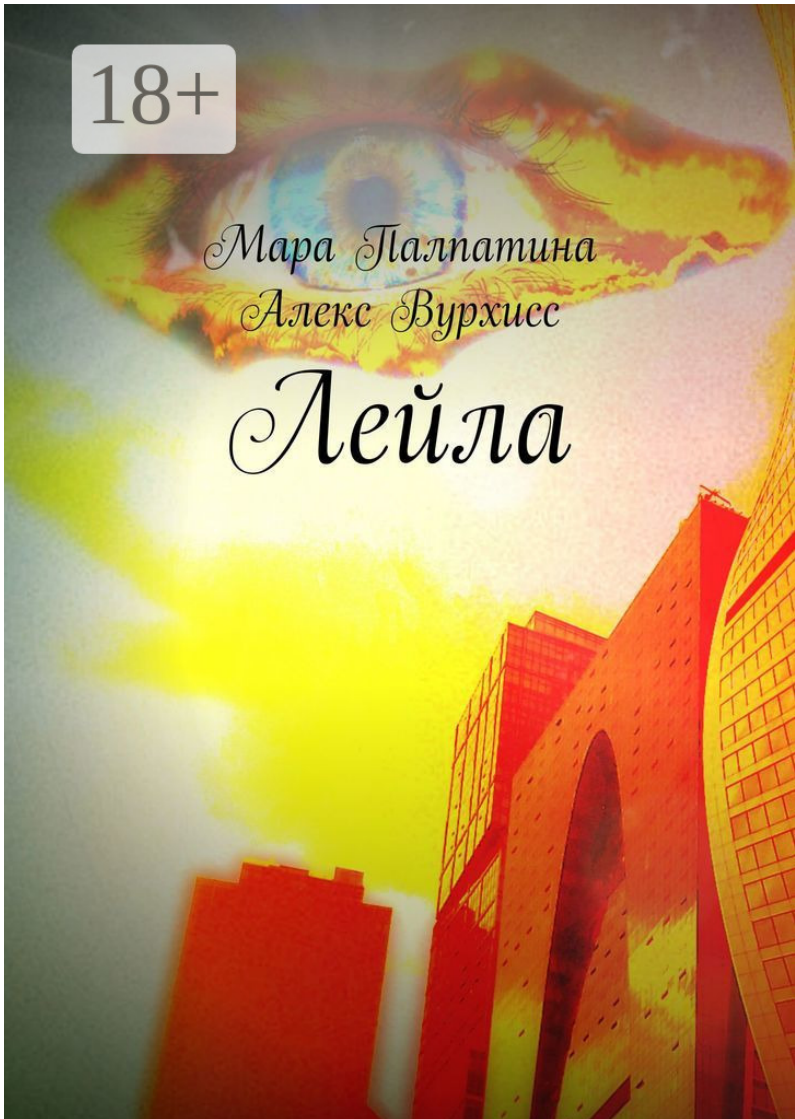

18+

*Мара Палпатина
Алекс Вурхисс*

Лейла

Алекс Вурхисс
Мара Палпатина
Лейла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559533

ISBN 9785449887627

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Стася Ковалевска живет в мире, где под запретом гетеросексуальные отношения, но ее тянет к противоположному полу, несмотря даже на то, что Стася – пренатальный терапевт. Она «создает» личность будущего ребенка до начала его развития. Все, чему ее учили, говорит о том, что Стая – ходячий атавизм, носитель болезненно-неправильной гетеросексуальности... Но что, если то, чему ее учили – ложь?

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1: L'Autre	9
Глава 2: Sans contrefaçon	27
Глава 3: Que mon coeur lâche	42
Глава 4: J'attends	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лейла

Мара Палпатина Алекс Вурхисс

© Мара Палпатина, 2020

© Алекс Вурхисс, 2020

ISBN 978-5-4498-8762-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Ученые утверждают, что на западе горы очень старые. Если это так, то их старость это отнюдь не дряхлость; эти горы наполнены скрытыми силами, как будто не было сонма лет, пролетевшего над ними.

Горы на востоке молоды, и оттого агрессивны. То и дело там просыпаются вулканы, и люди стараются не селиться на пространствах Диких Джунглей между Великой Рекой и восточными горами. Хотя получеловеческие поселения там есть, и довольно большие. У них непривычные названия, издалека они кажутся фистулами плесени, над которыми день и ночь поднимается дым труб множества заводов; поселения полулюдей – это заводы, шахты и скважины. Там они добывают и производят все, что необходимо нашей цивилизации, не загрязняя нашу атмосферу. Люди лишь изредка бывают в этих неприветливых городах, и только по служебной необходимости, ведь полулюди-рабочие не умеют самостоятельно ремонтировать вещи, налаживать сложное производство на заводах-автоматах; они лишь обслуживают машины, которые дали им мы.

Горы на севере холодны. Они словно выросли в панцирь Ледника. Ледник медленно отступает к северу; еще полвека назад он покрывал Мертвое море почти до южного берега, а сейчас операторы наших разведывательных беспилот-

ников, патрулирующих край Ледника, говорят, что на северном берегу Мертвого моря то тут, то там видны проплешины песка и гальки.

На юге гор нет, но там начинается огромное Болото. Болото просто гигантское, оно простирается на сотни миль к югу от обитаемых земель. Через болото есть лишь один доступный путь, Великая река. Где-то далеко она сливается с другой великой рекой. Или не сливается, достоверно это неизвестно, поскольку Болото – это болото, и его поверхность постоянно меняется. Во всяком случае, воды нашей Великой реки впадают в Океан.

Океан окружает мир со всех сторон, но он отделен от обитаемых мест горами, болотом и ледником. Полулюди бывают на его берегу, а люди почти не бывают. Такие путешествия сопряжены с опасностями, и не только от инсургентов-мутантов, во множестве обитающих на Побережье. Чем ближе к Великому океану, тем опаснее становится окружающая среда, все еще хранящая последствия Великой Войны.

На берегу Океана располагаются руины древних городов, коварно разрушенных Врагом. Мы сокрушили Врага, но эти города потеряны для нас навсегда. Такова плата, которую мы заплатили за собственную мягкотелость, за потакание тем людям, которые не признавали Великие Принципы Толерантности. Об этом следует помнить всегда.

А между этими границами раскинулась наша великая страна, огромная, богатая и плодородная. Когда у Великой

Реки только-только восходит солнце, у Западных гор еще царит глубокая ночь – разница во времени между крайними форпостами нашей державы составляет четыре часа. Люди в нашей стране счастливы, и на то есть, несомненно, убедительные причины. Мы не знаем голода, не знаем болезней, не знаем сомнений в том, что делаем, у нас нет преступлений, ведь в них практически нет смысла. Раньше люди мечтали о рае, мифическом месте всеобщего счастья и довольства, так вот, родителям-основателям удалось построить рай на Земле. Правда, мы смертны, но умираем мы, чувствуя удовлетворение от прожитых лет. Зато удовольствие стало, пожалуй, главным смыслом нашего бытия, и когда вы, закончив свое обучение, войдете во взрослую жизнь, вы погрузитесь в мир сплошных удовольствий, чувственных и интеллектуальных.

Правда, для того, чтобы достигнуть всего этого, нам пришлось измениться, но родители-основатели решительно пошли на это, и оказались правы. Благодаря этому мы живем сейчас счастливой жизнью, и, главное, ничего не угрожает нашему счастью и нашему безраздельному спокойствию и могуществу...

Учебник «История Вселенной для гендеронераспределенных¹», введение.

¹ **Гендерораспределенный** – подросток в стадии полового созревания (11—14 лет), осознающий направленность своих сексуальных интересов. До одина-

дцати лет человек считается **гендернейтральным** (не имеющим психологического пола);

Глава 1: L'Autre

*Всем ты чужой, всем чужой, кроме меня;
Всем ты чужой, но чужая всем и я,
Всем ты чужой, всем чужие мы с тобой,
Это любовь, любовь...*

Алекс Вурхисс «Чужой» (литературный перевод)

Мой родной город зовется Гарш. Он расположен на берегу Грязной реки, которая в черте города впадает в Великую реку. Отчего река называется Грязной, никто сказать не может; река как река, не грязнее других. В ее светлых водах отражаются небоскребы Гарша, среди которых и бело-голубое здание моего Университета – знаменитого на всю страну ГУМ, Гаршского Университета Медицины (по всей стране его называют просто Гарш). Наш единственный конкурент называется ВУМ, или Вест, и он моей альма матер и в подметки не годится по уровню подготовки специалистов, да и специализируется, в основном, на медицине катастроф, а не на пренатальной терапии²; потому-то я и выбрала именно Гарш. Если у тебя предрасположенность к медицине, ты можешь выбирать только между пренатальной и медициной

² **Пренатальная** терапия – дородовая; включает систему мероприятий по изменению генома половых клеток и контролю за развитием эмбриона (с необходимым терапевтическим сопровождением);

катастроф, поскольку никаких других отраслей этой науки не осталось – в них просто больше нет необходимости. Кардиологи, гастроэнтерологи, инфекционисты, офтальмологи и прочие узкие специалисты остались без работы, и, во многом, благодаря нам, пренатальным терапевтам.

Пренатальная терапия вносит изменения в человеческую природу, медицина катастроф борется с последствиями внешних воздействий, прежде всего, конечно, катастрофического характера. От аварий и стихийных бедствий никто не застрахован, да и мутанты, живущие на Пустоши, с которыми мы доблестно воюем, но все никак не выведем, вносят свою кровавую лепту. Это, конечно, интересная профессия, но...

...Но пренатальный терапевт еще в момент зачатия не только искореняет все заложенные в генетический код эмбриона наследственные патологии (болезни и предрасположенности), но и способен защитить его от будущих угроз в виде различных инфекций и патологий. А, кроме этого, мы, пренатальные терапевты, в момент зачатия буквально конструируем личность будущего человека, его характер, способности, склонности, не говоря уж про пол и ориентацию. Мы создаем новую Личность, и это куда интереснее, на мой взгляд, чем штопать уже готовую.

Тем не менее, мои воспитатели были уверены, что я выберу именно медицину катастроф, ведь я же тачи³! Одна-

³ **Тачи** – маскулинный представитель биологического женского пола;

ко, Станислава Ковалевска, как водится, удивила всех и поступила в Гарш на факультет пренатальной терапии. Впрочем, социопсихолог не нашла в этом ничего странного, хотя бы потому, что я не единственная тачи на факультете; кроме того, мой выбор, как она выразилась, «является адекватным проявлением маскулинности, одна из черт которой – это склонность к нарушению или установлению правил, активная позиция в этом отношении». Из всей этой ахинеи я поняла только одно: я могла выбрать или медицину катастроф, или пренатальную терапию, я выбрала последнюю, и поступила правильно. А если бы я выбрала медицину катастроф... я бы тоже поступила правильно. И то, и другое определено моей маскулинностью.

Психологи – они такие. У них на все есть свое объяснение. А для меня было важно то, что это был мой **собственный** выбор, не навязанный извне. Интересно, а что бы сказала социопсихолог, узнай она о **других** моих странностях? Было бы у нее для них адекватное объяснение?

Нельзя сказать, что в ГУМе я такая уж белая ворона. Как я уже говорила, здесь есть и другие тачи, и укэ⁴, вот только сэмэ⁵ нет ни одного. Если у сэмэ предрасположенность к медицине, он пойдет только в медицину катастроф, и никак иначе. Интересно, как это объясняет социопсихолог? Вроде бы, маскулинное начало у нас одинаковое, а биологиче-

⁴ Укэ – феминный представитель биологического мужского пола;

⁵ Сэмэ – маскулинный представитель биологического мужского пола;

ский пол – не более, чем рудимент и на принятие решений влиять совершенно не может. Тем не менее, у сэмэ маскулинность какая-то вмраморенная, жесткая, диктующая им нормы поведения. А тачи всегда имеет возможность выбора и пространство для маневра.

Возможность выбора – это единственное, что меня привлекает в моем поле. Все-таки, неко⁶ и укэ ее практически лишены, а сэмэ сами себя ее лишают по вышеуказанной причине. Фемининные же полы... откровенно говоря, мне их жалко. Порой мне кажется, что это какая-то недоработка родителей-основателей, хотя наука утверждает обратное. Впрочем, то, что утверждает наука, очень часто расходится с тем, что можно видеть в реальности, и приходится применять диалектический подход, утверждающий, грубо говоря, что, если ты видишь нечто, что мяукает как кот, выглядит как кот, но называется собакой, это собака, а у тебя, чтобы это понять, недостаточный уровень аналитического восприятия реальности.

Правда, кошек и собак теперь можно увидеть только в учебных стереопрограммах; эти животные не перенесли Великой Войны, как, впрочем, и большинство других. Крысы да птицы составляют теперь всю нашу экосферу. Говорят, в Грязной ловится рыба. В любом случае, никто ее не ловит, у людей для этого хватает ума, а у рабочих, наоборот, недостаточно. Потреблять несинтетические продукты питания –

⁶ **Неко** – феминный представитель биологического женского пола;

все равно, что заниматься гетеросексуальным сексом – гадко, опасно и противозаконно.

* * *

Мои мысли, мои воспоминания очень часто уводят меня далеко в сторону, это все мои воспитатели единодушно отмечали. Итак, право выбирать. Тачи, действительно, более свободны в своем выборе, правда, выбор у нас тоже мизерный. В нашем обществе все предопределено и просчитано заранее. Ты приходишь в мир с уже обозначенным будущим. Кем ты будешь работать, с кем и как ты будешь спать – все предопределено в рамках пренатальной терапии. Это наша плата за счастье. Но счастье тоже предопределено. Вопросы счастья, волновавшие умы в прошлом, больше не актуальны. Если ты живешь, ты счастлив; если несчастлив, сходи к социопсихологу, и он быстро объяснит, почему именно ты счастлив.

– Ковалевска! – окрик преподавателя отвлек меня от моих мыслей. – Вы меня слушаете, или нашли более интересную тему для размышлений, чем наследственные патологии первого рода?

– Да, магистр Лару, в смысле, слушаю, – рассеяно ответила я, хотя последние несколько фраз честно пролетели у меня мимо ушей. Как раз то, о чем я говорила, мечтательность, качество редкое в нашем мире. Можно сказать, тоже рудиментарное, как биологический пол. Зачем мечтать, если и так все есть? Мечты предполагают недовольство реально-

стью, но в современном мире недовольных реальностью быть не может. Об этом нам говорят чуть ли не с самого рождения. Вот только... иногда я ловлю себя на мысли, что вовсе не довольна тем, как я живу. И на то, к сожалению, есть свои причины.

– Слушайте внимательно, – продолжал Лару-укэ. – У Вас один из лучших общих результатов по потоку, и диплом Вы просто обязаны защититься в первой пятерке. Не время думать о неко!

Меня такой сексизм всегда выводил из себя. Как будто в любое свободное от работы или учебы время молодая тачи просто обязана думать о неко! Вообще, если говорить откровенно, меня неки только раздражают. Знаю, что это неправильно, но ничего не могу с собой поделать. Пара тачи и неко, воспетая в классике культуры, оставляет меня совершенно равнодушной, равно как и пара сэмэ и укэ. Я вовсе не фригидна, мне знакомы сексуальные переживания, я способна ценить красоту женского тела, возбуждаюсь от порноискусства, даже вступала уже в сексуальные контакты, но...

Мне страшно себе признаться, но все это не затронуло мою сущность. Не взволновало, не заставило сердце биться учащенно. Впрочем, социопсихолог и это посчитала нормальным. В конце концов, есть люди с замедленной сексуальной реализацией, и я одна из них. А, может, и это более вероятно, я свою сексуальную энергию сублимирую в учебу и науку. Как-то так.

Тем не менее, я тачи, и я обязана любить неко. Таков закон, по которому живет наше общество. Но на мое упертое одиночество смотрели сквозь пальцы, разве что сокурсницы перемывали между собой подробности моей интимной жизни, точнее говоря, ее полного отсутствия. Все девушки (иногда этот архаичный термин мы еще применяем) давным-давно разбились по парам, а умница, красавица Стася с ее огненно-рыжей шевелюрой и пронзительно-черными глазами все ходит и ходит бобылем.

Иногда меня подобный сексоцентризм нереально бесит, хотя, в основном, мне на него плевать. А иногда я чувствую нечто вроде страха или отчаянья. Мне не дает покоя мысль: может быть, я ненормальная? Может, я пережиток той почти легендарной дикой эпохи, когда не существовало пренатальной медицины и для того, чтобы иметь детей, людям приходилось спариваться (слово-то какое гадкое). Тогда не было равенства, даже полов было всего два, чисто физиологические. Носители непарной хромосомы, более крупные и сильные, господствовали над носителями XX хромосом – разве это справедливо? В курсе истории нам рассказывали страшные вещи о тех временах, и я, конечно же, боялась и испытывала отвращение, абсолютно точно так же, как все.

Но к этому страху и отвращению примешивался какой-то интерес, и этот интерес волновал меня куда больше, чем самая красивая неко из тех, что снимаются в порнопостановках. Умом я понимала, что «естественное» влечение к но-

сителю хромосом другого вида – ужасная ненормальность. Атавизм, притом опасный, потому что такое скрещивание, без предварительного генного инбридинга, чревато нарушением генома, болезнями и мутациями. Я могла рассуждать об этом часами, строго с научной точки зрения, я написала на эту тему в свое время прекрасную курсовую работу – ее загрузили в банк эталонных курсовых работ, и, возможно, используют при создании новых учебников, но...

...Но разум одно дело, а чувства – совершенно иное, как это не парадоксально. Казалось бы, что такое чувства? Физиологически интерпретированное социальное поведение или, наоборот, рефлекс, возведенные в социальный ранг. Но почему тогда они, зачастую, не подчиняются ни одному, ни другому? Ни здравому смыслу, ни генетической целесообразности?

Раньше люди, как животные, вынашивали в себе ребенка. Девять месяцев длился этот патологический процесс, когда зародыш, фактически, питался своей матерью. Какой это был невероятный удар по женскому здоровью! Теперь единственное участие человека в продолжении рода заключается в сдаче семенного материала. Кстати, раньше далеко не все яйцеклетки оплодотворялись, ведь частые беременности могли привести к полному истощению и смерти. Те же яйцеклетки, которые не оплодотворялись, организм отторгал, и это тоже было очень неприятно. Да что я объясняю, ведь каждая неко или тачи переживала один раз в своей жиз-

ни этот болезненный процесс! Это одна из тех вещей, повторения которых совершенно не хочется. По сути, мы могли бы предсказать первую овуляцию у гендернонераспределенной, но не делаем это как раз для того, чтобы будущие неки и тачи хотя бы чуточку поняли, от чего именно их избавила современная наука.

И это только чистая физиология. А психологические моменты? Нам об этом много рассказывали и в курсе той же истории, и в курсе психологии (а медикам катастроф, из среды которых, кроме всего прочего, набирают социопсихологов, наверное, просто плешь проели, даром, что девяносто девять из ста никогда эти знания не используют, поскольку будут лечить травмы или что похуже). Я, кстати, совершенно не понимаю, зачем на этом заострять внимание. Возможно, не знай я всего этого, я была бы спокойнее. Возможно, просто не обратила бы внимание на то, что со мной что-то не так. Хотя иногда я, наоборот, хочу узнать о тех временах как можно подробнее; во-первых, несмотря на обилие информации, многие вопросы остаются для меня открытыми. Например, почему люди не только не пытались изменить такой ужасный порядок вещей, но еще и отстаивали его так, что едва не погубили все живое на планете?

А во-вторых, может быть, для того, чтобы все-таки понять себя. Свою нелогичную тягу к вещам даже не запретным – к абсолютно бессмысленным, да к тому же опасным. Нет, только ненормальный хотел бы вернуться в эту варварскую

эпоху. Но вот в чем вопрос, нормальна ли я, если интересуюсь этим? Я пыталась себя убедить, что мой интерес чисто научный, но тщетно. Я прекрасно понимаю, что здесь задействовано что-то совершенно иное, отличное от процесса познания. Потому мне остается одно – с головой уйти в учебу, но сухие строки формул и цифр не спасают от этого странного чувства, в котором тревога смешана с предвкушением.

– Ковалевска! Да что с Вами сегодня творится?

– Влюбилась, наверное, – послышался ехидный голосок нашей старосты, тачи Гибсон. У нас с Гибсон негласная конкуренция; мы обе тачи, обе хорошо учимся и обе считаемся привлекательными. Вот только у Гибсон есть своя неко, третькурсница Ани Мей, а у меня неко нет. И Гибсон считает, что я горделивая, зазнавшаяся сучка.

Ха! Если бы это было так, я была бы просто счастлива! К счастью, Гибсон слишком глупа для того, чтобы строить более сложные предположения. Но мне от этого не легче. Честное слово, быть зазнавшейся сучкой куда легче, чем человеком, не понимающим и отчасти даже боящимся себя.

– Я слушаю, – стараясь не выдать бушевавшие меня эмоции, спокойно ответила я. – Вы говорили о выявлении принстонской нейропатологии. Если Вы хотите, магистр Лару, я могу рассказать Вам всю процедуру анализа Формана-Эппса, включая те моменты, на которых...

Магистр Лару, пожилой укэ с коротко стриженными некогда русыми, а ныне седыми волосами и печальными водяни-

сто-голубыми глазами, покачал головой:

– Не надо, Ковалевска. Я верю, что Вы знаете, может быть, и лучше других. Но слушать лекции все равно необходимо. Повторение не зря называют матерью учения; Вы можете обратить внимание на нечто, ускользнувшее от Вас, можете найти что-то, какую-то проблему, ранее незамеченную или ответ на какой-то еще нерешенный вопрос, даже, простите за архаичное выражение, озарение, не мистическое, а вызванное только лишь концентрацией внимания. И не забывайте, что принстонская патология – это не просто тяжелый, но и трудноустанавливаемый диагноз, а любая ошибка пренатального терапевта оборачивается искаленной жизнью.

«И поводом для медиков катастроф отточить свое мастерство», – подумала я с неожиданным злорадством.

Я люблю свою профессию. Нет, не просто люблю, я ее обожаю со всей страстью, на какую только способна тачи в восемнадцать лет. Пренатальная терапия – это творчество, созидание. Именно мы решаем, что вырастет из той или иной зиготы. Решаем, конечно, по определенному шаблону, но это ничего не меняет. А какая эйфория захватывает, когда среди десятков технических зигот вдруг появляется одна, имеющая от природы красивый, полноценный геном! Ее рассматриваешь особенно пристально, бережно восстанавливая поврежденные участки, внося необходимые коррективы, ведь природа, в отличие от человека, не созидает совершенства. И вот уже перед тобой готовая для интрузии зигота, из ко-

торой, три с половиной месяца спустя, появится в мир сэма, укэ, тачи или неко. Новая, оригинальная, ни на кого не похожая человеческая личность!

Мне осталось доучиться полтора месяца, защитить дипломную работу, а потом я уеду в какой-то другой город, где получу место в одной из клиник пренатальной медицины. Я буду заниматься любимым делом! Вот это мне действительно было важно, а неко... а неко потом.

* * *

Пары пролетели незаметно; возможно, для кого-то они тянулись медленно, но мне просто нравится учиться, и я даже сожалею, когда учебный день подходит к концу. Но пары закончились, и аудитория быстро опустела. Я нарочно медленно складывала свои вещи; мне сегодня не нужна была компания. Но как на зло, именно сегодня уйти одной у меня не получилось.

– Стася, ты идешь? – нетерпеливо спросила Дженни, подойдя ко мне под ручку со своей неко Лиз. Дженни и Лиз мои друзья; встречаться они стали, чуть ли не на первом курсе, а год назад зафиксировали сожителство. Наша дружба выглядит довольно странно; мы иногда гуляем втроем, но, в целом, нельзя сказать, что у нас такие уж доверительные отношения. Скажем так, Дженни и Лиз – еще одна моя попытка «быть как все».

– Иду, – ответила я, стараясь скрыть недовольство; положила планшет в сумку и надела ее через плечо. Я, как и мно-

гие другие тачи, носила объемную сумку в стиле милитари с множеством карманов, в которых удобно размещалось и не путалось между собой все, что мне было необходимо. Я предпочитала эту неуклюжую вещь ультрамодным последнее время маленьким ридикулям, больше подходящим для неко, хотя гаршевские тачи, включая Дженни, следуя переменчивым ветрам моды, возлюбили как раз их, непонятно за что.

– Какая-то ты последнее время странная, – проворчала Лиз, наблюдая за моими манипуляциями. Она всегда была человеком крайне не закомплексованным, и откровенно говорила в глаза все, что думает, не заботясь о реакции собеседника. Как ни странно, именно это мне в ней больше всего импонировало. – Раньше тебя хоть на прогулку можно было вытащить. Теперь ты совсем никуда не ходишь. Слышала, что в субботу приезжает «Пинк-шоу»?

– Слышала, – односложно ответила я. Вот еще. Не люблю такие слащавые группы. Мне нравится старый добрый хард в исполнении сэма или тачи, а не крашенные блондины-укэ и девочки-неко, косящие под гендернераспределенных. Дженни знала об этом, более того, наши с ней музыкальные вкусы отчасти совпадали; но моя подруга искренне считала, что вытащить на модное мероприятие свою пару – это ее святая обязанность, а мне, как одинокой, просто необходимо туда попереться – где ж еще можно снять зеленую и не пристроенную неку? Не в лекционном же зале!

– Пойдешь? – она спросила таким тоном, словно и не спрашивала, а утверждала, можно сказать, повелевала.

– Не-а, – потупилась я, – некогда мне.

– Интересно знать, почему? – поинтересовалась Дженни тоном, холодным, как Ледник. Нет, ну это просто уже выходит за все мыслимые рамки! Что я, отчитываться перед ней должна, что ли?

– Потому что собираюсь писать диплом, – соврала я, не моргнув глазом. Откуда им знать, что мой диплом, в общих чертах, само собой, практически готов? – Слыхала, что Лару мне втирал сегодня? «Вы просто обя-азаны финишировать в первой пятерке».

– До диплома еще полтора месяца! – удивленно воскликнула Лиза. Ха, по ходу, она к нему еще и не приступала. Это на нее похоже – откладывать все на потом, а потом бегать, как ошпаренная, да еще и помощи просить у дорогой подруги, тачи Ковалевской.

Я тактично промолчала.

– Стася, – сказала Дженни серьезно, – мы с Лиз подумали... нам кажется, что у тебя появилась нека, и ты просто это скрываешь.

Я картинно воздела глаза горе, а затем обняла их обоих:

– Ну, девочки, – сказала я, – с чего мне от вас скрывать-то? Да если бы у меня была нека, я бы вам первым и похвасталась. Но мне не до этого сейчас, я просто хочу достойно закончить Гарш, чтобы меня не забросили в какую-ни-

будь глухомань. В идеале мне вообще хотелось бы попасть в Центр имени Эйхмана, но...

– Ну, ты даешь! – присвистнула Дженни. – Ты это серьезно, или прикалываешься?

– Серьезнее некуда, – ответила я. – Просто я люблю пренатальную терапию. И ни одна неко пока этой моей любви конкуренции составить не может.

Мы шли по дугообразному крытому коридору из триолита – графенового пластика, прочного как сталь, но при этом совершенно прозрачного, как стекло. Прямо у нас под ногами, шестью метрами ниже, был университетский сквер, по которому прогуливались парочки, а мы шли у них над головами. Но парочки не обращали на нас ни малейшего внимания, впрочем, нам до них тоже не было никакого дела. Этот переход вел из главного здания в блок общежитий, и в нем всегда были люди, даже по ночам.

Я действительно мечтала попасть в Центр имени Эйхмана, но прекрасно понимала, что вряд ли это осуществимо. В Центре работали лучшие из лучших, и выпускников туда принимали крайне редко. Оглядываясь назад, я теперь понимаю удивление своих подруг: в нашем мире мечтать тоже ненормально. Что такое мечта? Это стремление к труднодостижимой цели, погоня за чем-то выходящим за рамки обыденности. Но в моем мире никто, кажется, не желает выходить за эти рамки. Всем комфортно в сложившейся системе, и это понятно. Если ты рождаешься для того, чтобы занять

предназначенное тебе место, к чему искать что-то другое?

Вот только отдельно взятую Ковалевску-тачи это совершенно не устраивало; меня манило нечто недостижимое. Конечно, куда проще было занять свое место и жить спокойно, в привычной зоне комфорта и удовольствий. Но мечтать ведь не запретишь! К тому же центр Эйхмана расположен здесь же, в Гарше, в городе, где я родилась. Это, кстати, тоже неправильно, испытывать привязанность к какому-то месту. А я любила Гарш и, хоть мне и сложно было в этом признаться, всегда хотела остаться именно здесь. Вот такая я, выходит, насквозь неправильная.

– Знаете, что? – сказала я подругам, когда мы подошли к корпусу общежитий, – наверное, вы правы. Я действительно последнее время слишком закопалась в учебе. Эдак можно и с катушек съехать.

Дженни недоверчиво на меня уставилась, а я слегка потянулась, словно сбрасывая с плеч невидимый груз:

– Так что, девочки, я с вами все-таки схожу на «Пинк-шоу». В конце концов, все время учиться вредно для здоровья. Может, и правда кого подцеплю, хотя сейчас заводить серьезные отношения еще не готова. Распределюсь, а там видно будет.

Лиз даже запрыгала от радости, а Дженни крепко, по-тачиевски пожала мне локоть:

– Молодчина! Вот это правильно! И вообще, если ты думаешь, что мы по тебе не скучаем, то ты категорически оши-

баешься.

– Ничего я так не думаю, – заверила я. – Но только до субботы, чур, меня не трогать! Раз намечается гулянка, так я сейчас посижу поплотнее, закончу все, что можно, чтобы потом оторваться со спокойной совестью.

– Хе-хе, не иначе, как Ковалевска-тачи готовит прорыв в современной генетике, – ухмыльнулась Дженни. – О'кей, договорились. Но, все-таки, ты смотри там по сторонам. Наверняка там много будет симпатичных одиноких неко, они на «Пинк» слетаются, как мухи на сладкое.

– Ты когда-нибудь видела хоть одну муху? – ответила я, скрывая внутреннее раздражение. – Ладно, девочки, до субботы. И вот что, Дженни, я уж своего не упущу. Ты же не думаешь, что я какая-то неверно собранная?

– Ну тебя, – отмахнулась Дженни. – И не смущай Лиз своей похабщиной, она у меня девочка нежная и чистая душой.

Что правда, то правда: Лиз была простодушна, как овечка. Стараясь мысленно не продолжать параллель с данным представителем парнокопытных (тоже, кстати, благополучно вымершим) я тепло попрощалась с девочками и побежала к себе в блок.

Может показаться, что я слишком холодна со своими подругами, но это не так. По-своему, я их люблю и дорожу их вниманием, и даже тем старанием, с которым они пытаются интегрировать меня в «нормальную жизнь», или, как говорит Лиз, сделать счастливой. Они, конечно, не понимают,

что так меня нельзя сделать счастливой. Откровенно говоря, тогда я и сама не знала, что же мне нужно для счастья. А если совсем уж честно, то на этот вопрос вообще мало кто способен ответить. Хотя в моем мире все вполне искренне считают, что счастливы.

Ну что же, ничего не поделаешь; придется, конечно, поплавать в этой ванильной луже по имени «Пинк-шоу». Но зато у меня есть три вечера на мои собственные развлечения, дающие мне иллюзию если не счастья, то удовольствия.

Глава 2: Sans contrefaçon

*Раз мне надо выбирать
Твердо вам могу сказать
Без увёрток и вранья
Мальчик я, да мальчик я
За весь мир, за все дары
Не сниму свои штаны
Без увёрток и вранья
Мальчик, да мальчик я
Эмма Вурхисс, «Без обмана» (перевод)*

В общежитии я занимала одинарный бокс, который так и назывался, «холостой», а Дженни с Лиз уже давно переселились в двойной, так называемый коттедж. У них было довольно много удобств: ванна с паровой баней, комбинированная стиральная машина (я ей пользуюсь, чтобы не ходить в общественную стиралку, которая, как и все помещения, где собираются во внеучебное время студенты, моментально превращается в клуб знакомств), собственный балкон, а, главное, кухню! Самое смешное, что ни Дженни, ни Лиз не умеют готовить. Вообще, в наше время этим талантом мало кто может похвастаться; а зачем, если есть готовый фаст-фуд, приготовленный рабочими или кафе, где работают кулинары-специалисты? Но на кафе нужны довольно большие деньги, а фаст-фуд мне лично не то, чтобы в гор-

ло не лезет, но, если есть выбор, я лучше сама чего-то приготовлю. Это дерьмо из планктона, водорослей, гидропонного риса и прочих хай-тек продуктов, с моей точки зрения, есть может только очень голодный человек. Тем не менее, абсолютное большинство студентов, да и не только, питаются именно фаст-фудом.

Так что на их кухне хозяйничаю я, ухитряясь наготовить на нас троих. И это при том, что кулинарной специализации у меня, естественно, нет. Чудеса, да и только. Возможно, все дело в моем первом воспитателе: моя кураторша была родом из маленького городка у самого Ледника; она не только сама прекрасно готовила, но и нас, пятерых тачи научила. Впрочем, она научила нас многому из того, чего не учили других гендернераспределенных.

Когда я ее вспоминаю, я чувствую какое-то странное, щемящее ощущение – не горечь, не тоску, а что-то одновременно радостное и грустное. В одной книге (мы называем этим архаичным словом файлы, не адаптированные для прямого восприятия мозгом; их читают, как текст) я нашла слово «ностальгия». Объяснение этого слова, как водится, ничего не объяснило («рудиментарное чувство тоски по месту или обществу, к которому привязан») и я решила, что это именно она.

Моя кураторша часто говорила нам о Холоде. Именно так, Холоде с большой буквы. Она рассказывала нам, что у Ледяной стены по-другому воспринимаешь мир. Этот мир, а,

особенно, жизнь человека становятся хрупкими, как промерзшие насквозь ветки деревьев, как вымороженные пальцы (на ее левой руке не хватало трех пальцев; два ампутировали, третий она сама отломала, затерявшись в пурге и едва не замерзнув; странно, что в наше время такое еще случается среди полноценных людей).

А еще она же говорила вещи совершенно крамольные в нашем мире, хотя мы, юные гендерораспределенные, не воспринимали это как крамолу, скорее, как сказку. Она говорила о том, что в мире есть Кто-то неизвестный, для кого жизнь каждого человека очень дорога. Тот, кто ведет через пургу, как она выражалась. О нем говорят полулюди, из тех, кто может говорить; о нем шепотом рассказывают друг другу северяне. Когда все вокруг совсем – совсем плохо, когда разум не находит больше никакой надежды, говорила моя наставница, приходит Он, и выводит тебя обратно, к теплу, к людям, к жизни. Ты не слышишь и не видишь его, но твердо знаешь – Он рядом, он ведет тебя, и с тобой все будет так, как надо.

У меня хватило ума никому не рассказывать о том, чему учила нас магистр Мартен, но я очень боюсь, что моя первая кураторша недолго сможет воспитывать молодое поколение. Социопсихологи очень настырные люди; рано или поздно кто-то из ее воспитанниц расскажет об этих уроках, и моей наставнице несдобровать. А жаль, ведь она научила нас бороться, не сдаваться, надеяться до последнего. И я дол-

го не понимала, зачем мне все это в уютном, теплом Гарше. Но внимательно слушала и запоминала.

А еще она пекла нам блинчики! В конце февраля – начале марта мы выходили на окраину Гарша, где росли клены. Острыми металлическими лезвиями мы наносили на их стволах глубокие борозды. Через какое-то время борозда становилась коричневой. Магистр Мартен брала пальцем коричневый сок и проводила каждой из нас по губам. Это была первая наша сладость после Дня Феминизма, и она всегда казалась такой... необыкновенной!

Странно, ведь наш мир дает нам возможность получить практически любое удовольствие. Неаппетитная масса из планктона с помощью вкусовых добавок превращается в любое известное в истории яство. Пусть мы потеряли девяносто процентов биосферы, но вкус блюд из давным-давно исчезнувших растений, животных и грибов нам доступен, стоит лишь захотеть. Но сладость того кленового сиропа, взятого пальцем из ранки на стволе живого дерева, почему-то совершенно иная, какая-то... не от мира сего. И я могу вспоминать ее спустя годы, а вкус даже ресторанного деликатеса забуду уже через несколько дней.

Мы собирали патоку, а через несколько месяцев, в обычный, на первый взгляд, день, магистр Мартен вечером (это всегда было именно вечером) звала нас к себе в коттедж.

Летнее солнце играло золотыми пятнами по стенам; пахло медом, патокой, пшеницей (эти запахи можно было найти

в общественной ароматеке) и чем-то таким, что мы не могли понять тогда. Но я сразу подумала, что именно так должно пахнуть в Форпосте, том последнем поселении людей у стены ледника, о котором рассказывала нам магистр Мартен. В городе, где дома построены из ледяных глыб, но сохраняют тепло, где люди ходят круглый год в меховой одежде и термобелье, и у многих отморожены пальцы и уши. Иногда я задавалась вопросом – зачем люди вообще живут в подобном месте, и лишь намного позже поняла, что совсем не по своей воле.

Лепешки магистра Мартен казались чем-то не от мира сего, они были сладостью, воплощенным наслаждением. Они словно таяли во рту, превращаясь в чистое удовольствие. Как разительно отличались они от всего, пробованного нами раньше! Это была более, чем пища, кроме насыщения и удовольствия вкуса она приносила что-то еще, непонятное, какое-то ощущение покоя, подобного которому я никак не могла найти впоследствии.

«Стася, ты слишком много размышляешь, Стася, ты слишком много вспоминаешь...» – тихонько напевала я, принимая душ. Душ, кстати – одна из немногих вещей, которые мне не нравились в Гарше. У тебя есть семьсот двадцать секунд на то, чтобы вымыться; следующий душ будет доступен через семьсот двадцать минут... Конечно, понятно, очистка воды от различных загрязнений – занятие не дешёвое, и бездумно тратить драгоценную жидкость нельзя,

но меня не покидало ощущение, что в таком режиме есть какой-то совершенно иной смысл, поскольку вступившие в союз или просто достигшие определенного статуса и живущие в коттеджах могли принимать ванну.

Ванна совсем другое дело; здесь режима никакого нет, только наполнение – валяйся хоть целые сутки, освежая себя гидромассажем... Но холостякам ванны не полагалось, только парам (угадайте, чем еще я пользовалась в гостях у моих подружек?)

Приняв душ, я завалилась на койку и включила стационарный терминал в режим ай-ти. Проигнорировав личного секретаря, которая сразу же пустилась напоминать мне все, что мне предстоит, от очередной сдачи яйцеклетки до защиты диплома, я глянула новости, сначала университетские, затем городской канал. В общем-то, просмотр новостей тоже, в некотором роде, социальный атавизм, но, почему-то, культивируемый обществом. Три раза в сутки каждый житель нашей страны смотрит новостной канал, даже если живет в маленьком городке, где ничего не происходит и ничего не может произойти в принципе.

Но Гарш – мегаполис, и событий в нем хватает, пусть даже рутинных. Так что свои пятнадцать минут разнополая пара ведущих (либо сэмэ и неко, либо укэ и тачи, всегда только так) отрабатывает на все сто процентов.

Ох ты... Передо мной появилось лицо мужчины. Очень красивое: правильные, сильные черты, выразительные ску-

лы, высокий лоб, прямой нос, твердая линия губ и волевой подбородок – все говорило о силе, а большие, синие глаза показались мне печальными. Я «поплыла» – так я называю странное чувство, когда все внутри становится ватным и тебе кажется, что ты летишь; оно бывает редко, и я не совсем понимаю, отчего так происходит... может быть, это просто естественная реакция на физическое совершенство человека, которого я вижу? Во всяком случае, тот, кто исправлял код этого сэмэ, был, наверное, гением.

Не сразу я поняла, какой текст сопровождал это видение, а когда поняла, мне неожиданно стало холодно и страшно. «Составлен фоторобот подозреваемого... шесть изнасилований за два месяца... последнее случилось вчера, в городском парке. Изнасилована тачи Герда Грамм, лаборант биотехнологического комплекса „Гарш-2“. Жертва вновь не запомнила нападавшего, фоторобот составлен со слов очевидца, который, вероятно, спугнул насильника. Этот фоторобот точь-в-точь похож на фоторобот беглого солдата из Форты Шарлотты.»

На этом месте я, как ни странно, нервно рассмеялась. Они там, на каналах, совсем с ума посходили, или теперь в новостные службы берут только неучей? Мужчина походил на солдата примерно так же, как скальпель нейрохирурга на винтовку гаусса. Я могла поклясться, что передо мной был стопроцентный сэмэ, и для этого мне не нужен был образец его генетического кода. Физическое совершенство присуще

только полноценным людям, солдаты же, зачастую, имеют гротескно-ужасную внешность. Правда, я очень редко видела живых солдат, в основном – либо в учебных материалах, либо в лабораториях в виде трупов, но...

Это однозначно был сэмэ, пусть и сумасшедший, но сэмэ. Солдаты полулюди, их коэффициент интеллекта достаточен лишь для того, чтобы убивать. Правда, солдаты действительно могут пойти на изнасилование, так как, в процессе «чистки» их генома половая функция не убирается, а, наоборот, активизируется, поскольку тестостерон и эстроген влияют на агрессивность, и даже более того – без мужского полового гормона вообще невозможно добиться агрессивности у особи. О том, что творится в казармах, ходят страшные истории. Но беглый солдат так далеко в глубине страны – это просто нонсенс! И потом, я же пренатальный терапевт, что я, солдата от сэмэ не отличу?

Но, как говорил Почтенный Магистр Грегори, полупоупенный родитель-основатель, негласно считающийся покровителем медицины, все лгут, а на каналах и подавно. Диктор предостерегал, что насильник не удовлетворил желания и может быть опасен, но я слушала его в пол-уха. Вместо этого я, не отключая новостной канал, заказала себе перекусить из единственного сносного в округе фаста, а затем один билет на сегодняшней экстази-дансинг.

Собственно, это и есть моя тайна, и Дженни с Лиз, наверняка, ужаснулись, или, по крайней мере, сильно удиви-

лись бы, узнай они, что насквозь правильная заучка Стася посещает такие места. Конечно, это развлечение не сильно высокого пошиба, и это еще очень мягко сказано. Такие тачи, как я, не ходят на подобные мероприятия.

Экстази-дансинг – это клуб, где в полутьме тусуются закинувшиеся легализой хулиганистые сэмэ, слащаво-жеманные укэ и наиболее непутевые тачи и неко. Но полутьма и полужэкстаз партнера как раз именно то, что мне было нужно для моих целей.

Еще одно преимущество тачи состоит в ее относительно вольном стиле одежды. Сэмэ, неко и даже укэ имеют свой негласный дресс-код, а вот тачи может одеваться почти как угодно, ну, разве что, под неко косить у нас не принято, и то не всегда. Фигура тачи мало чем отличается от фигуры укэ, разве что небольшая грудь и большее изящество черт лица может выдать нас. Но это поправимо: грудь затягиваем широким эластичным бинтом, в узкие джинсы суем скрученный в узел платок, чтобы получилась небольшая выпуклость, и, voilà, тачи превращается в укэ.

Я знаю, что это может показаться аморальным, омерзительным, просто ужасным. Но это как наркотик, и даже сильнее, чем наркотик, хотя я сознательно отказалась от употребления легализы, и максимально, что позволяю себе – это экстра-тоник. Мне это не нужно, мои развлечения сильнее, чем кайф от легализы. Сильнее, чем секс, по крайней мере, я от этого получаю куда большее удовольствие, может

быть, не столь физиологическое, но от того не менее сильное. От простого прикосновения анонимного партнера, лица которого я на завтра не смогу вспомнить, земля, буквально, уходит из-под ног...

Это игра, запретная, неприличная игра, но она никогда не перерастет во что-то большее, по крайней мере, у меня, твердила я себе, хотя слыхала, что такое случается. О клубках ходили пугающие слухи, а меня все равно тянуло туда, как бабочку к пламени свечи. К анонимности, к запретным касаниям, к игре, которая никогда не будет иметь продолжения, но и не прекратится никогда. Я просто не смогу от этого отказаться.

А что до насильника, то я его не боялась. Потому что у меня, спасибо магистру Мартен, есть чем защититься, я постоянно ношу с собой списанный хирургический лазерный скальпель, который сама довела до ума по рекомендациям моей бывшей кураторши. В случае чего им можно нанести серьезную рану, можно даже убить (правда, убивать я никого не планировала). Так что Ковалевска-тачи была опасна, как оса с жалом.

Мне даже было интересно посмотреть на этого человека. Конечно, это ужасная психическая патология, но почему-то это казалось мне таким... загадочным, необычным, волнующим! Столь совершенный сэмэ, который решается на столь ужасающие преступления! Одно не вязалось с другим – как мог его пренатальный терапевт, создав столь пре-

красный физиологический объект, допустить возможность подобной патологии, как сексуальное влечение к противоположному полу?! И ведь что обидно, его генетический материал навсегда исчезнет, даже если его поймают. Мое пренатально-терапевтическое сознание считало это просто чудовищным варварством.

Тем временем, принесли заказанную мной еду, порцию роллов и салат, не Бог весть что, конечно, но есть можно, и на том спасибо. Всяко лучше, чем гамбургеры с соевым мясом. Быстро расправившись с едой, я сбросила халат на кровать и, оставшись абсолютно обнаженной, принялась рассматривать себя в зеркало. Определенно, у меня действительно гипертрофирована фантазия: не знаю, почему, но мне представилось, что дверь моего бокса открывается, и за моей спиной появляется он – высокий, беловолосый, коротко стриженный сэма в плаще. Его горячее дыхание касается моей обнаженной шеи, его сильные руки ложатся на мою маленькую грудь, он прижимает меня к себе, и...

Боже мой! Мое дыхание участилось, кожа порозовела, я полуприкрыла глаза... я почти чувствовала его прикосновения, его обжигающее дыхание, его сильные пальцы, осторожно касающиеся моих сосков. Я покраснела до корней волос. Какой позор! Хорошо, что мыслей пока не читают. Схватив бинт, я стала поспешно затягивать свою грудь, словно она была виновата в том, какие запретные мечтания посещают ее хозяйку. Это, кстати, было не очень-то приятно – соски

терлись о бинт, особенно во время танца, грудь ныла, причем ныла несколько дней после этого.

Зачем все это? Что я ищу на этих танцполах? Я никогда не смогу удовлетворить сжигающую меня страсть. И не потому, что я чего-то боюсь, хотя я знаю, как проходит акт у сэма и укэ, и знаю, что буду мгновенно раскрыта, если дело дойдет до того, что я так часто и с долей зависти наблюдаю в укромных местах клуба. Но дело даже не в этом, а в том, что я сама не смогу переступить рубеж. Это не трусость, это... не знаю, как и назвать, воспитание, наверное. Это сильнее меня, сильнее каждого из нас.

Я ненавижу терапевта, которому в руки попала яйцеклетка моей матери. Что ему стоило использовать другой сперматозоид, с неполной хромосомной парой? Нет, этот халтурщик поленился исследовать посторонние цепочки, а, может, просто спешил куда-то, и оплодотворил эту яйцеклетку сперматозоидом с XX хромосомой. Я могла быть укэ, я даже сэма могла быть, а теперь привет, я тачи, и могу только облизываться на висящие вокруг запретные плоды.

Я натянула узкие джинсы, почти с отворачиванием затолкала в них платок, надела кожаный жилет на шнуровке, обула коричневые ботинки... нет, без обмана, я сейчас очень походила на укэ, о том, что у меня женский биологический пол ничего особенно не свидетельствовало. Давно прошли те времена, когда у биологических полов были характерные, ясно видимые отличия; пренатальная терапия сблизила меж-

ду собой фемининный мужской и маскулинный женский пол настолько, что в темноте дансинга точно не отличишь.

На одну руку вешаю минитерминал, на другую – тот самый скальпель; идентификационную карту опустила в один нагрудный карман (еще один элемент камуфляжа), портативный реанимационный комплект в другой (без этого комплекта ни один уважающий себя медик из дому не выйдет, эмкашник он или терапевт, не важно), и вот я готова выйти из дому навстречу приключениям.

Хотя вряд ли этот бокс можно назвать домом, по крайней мере, в моем понимании. Сама я всегда жила именно в таких боксах, но я помню рассказы магистра Мартен о домах у Ледника. О просторных помещениях из кирпича или ледяных блоков, где горел очаг, отапливающий, освещающий и готовящий еду, где пахло дымом и вкусной снедью, где жили люди, и куда хотелось возвращаться каждый вечер...

Пусть даже жизнь там – совсем не сахар. Пусть вместо душа – лохань с едва теплой водой, пусть даже дома приходится ходить в термобелье, а при дыхании изо рта вырываются клубы пара. Пусть с утра до ночи ты занят тяжелым трудом, а выход на улицу порой можно сравнить с пыткой. И уж совсем страшно оказаться далеко от родных стен, когда температура опускается до двадцати – тридцати градусов ниже нуля⁷, или даже ниже, а отмороженные пальцы можно отломать, как сухие ветви, даже не почувствовав боли.

⁷ По Фаренгейту; -28 – -35 по Цельсию;

Где пурга за ночь наметает сугробы, способные полностью засыпать выход, и его надо откапывать; где вместе с этой пургой часто приходят мутанты – полулюди – полужвери, питающиеся человеческим мясом и очень живучие. Где, кажется, сама смерть обретает пугающую плоть, и по ночам люди рассказывают друг другу страшные сказки...

Таких, как Дженни и Лиззи даже этот коротенький рассказ, наверно, отпугнул бы. Нам кажется отвратительной и ужасающей сама возможность жить без привычного комфорта и наслаждений. Хотя наши бледные наслаждения – ничто, они безвкусны, как планктонная масса в сравнении со сладостью весенней патоки.

Может, было бы лучше, если бы я вовсе не знала бы этого мира? Возможно, но сомневаюсь. Что-то другое все равно бы разбудило во мне тот пыливый дух, который зовут ныне Ковалевска-тачи. От себя не убежишь. И я, конечно, такая же конформистка, как Дженни и Лиззи. Я люблю теплую ванну и мечтаю о тепленьком местечке в центре имени Эйхмана.

Но мне бы очень хотелось также, чтобы у меня был дом, в который приятно возвращаться, и тот человек, к которому хотелось бы вернуться. Пока я не нашла ни того, ни другого. Бокс, в котором я живу, не стал мне родным; в него совсем не хочется возвращаться и его не жалко покинуть. Почему? Я не знаю.

Будущее мое определил неведомый мне пренатальный терапевт. И никуда от этого будущего, скажем честно, мне

не деться. Скорее всего, реальность окажется компромиссом между фантазиями Ковалевской-бунтарки и Ковалевской-конформистки. Но мне иногда так хочется убежать далеко-далеко, где нет стерильных стен и правильных линий Гарша, где в архаичных домах из природного камня стоит теплый очаг, в котором горит огонь, где пахнет дымом, сухой травой и еще чем-то неизвестным, и...

И где никто, никакой закон не запрещает любить того, кто тебе нравится.

Глава 3: Que mon coeur lache

*Грубый сплав амальгам
В смертельном танце кружит нас
Тяжелый страх, словно яд
Не даст забвенья ни на час...
Меж нами латекса слой
Преграда thin, but very strong⁸
И каждый раз – это бой
Сражение скрещеньем ног
О сердца дрожь
Любви безумной мечты
Утратив блеск
Смешон мой стресс от любви
О сердца дрожь
Обмана, боли хочу
В наш век измен
Когда любовь – каучук.
Алекс Вурхисс «Сердца
дрожь» (литературный перевод)*

Погода на улице ухудшилась. Все-таки, Гарш находится слишком близко к Леднику, и в мае здесь порой бывают заморозки. В самом городе температуру регулирует энергоцентральный, но всепроникающий ветер не останавливает ничто, и он холодным потоком несется между небоскребами Гар-

⁸ Цитата из рекламы презервативов; латекс, каучук – материалы для изготовления изделия №2;

ша, принося с собой, то мерзкий ледяной дождь, то похожий на мелкую крупу снег. А вот нормальных снегопадов, с мягкими снежными хлопьями, в Гарше не бывает, по крайней мере, на моей памяти не было.

В тот день о заморозке, конечно, речь не шла, но северный ветер был пронзительным и влажным, к тому же нес с собой не предвещающие ничего хорошего тучи. Закат окрасил верхние этажи небоскребов алым, словно многочисленные окна отражали далекий пожар. Я находила это зрелище завораживающим, хотя многие его боялись. А если бы еще ночью была гроза...

«Дура», – ласково обратилась я к себе, – «если будет гроза, как ты с танцпола-то вернешься?»

Тем не менее, я не воспользовалась электрокаром, а пошла пешком, хотя до клуба, по меркам Гарша, было далеко. Еще одна человеческая привычка, ставшая анахронизмом, но я люблю ходить пешком, не слишком быстро, чтобы можно было оглядеться по сторонам. И пусть все вокруг давным-давно знакомо, но я умею найти нечто новое в тысячу раз виденных пейзажах. Люблю смотреть на немногочисленных прохожих, на тонированные стекла электрокаров, на свои отражения в многочисленных витринах.

В Гарше, как и в любом другом городе, очень много магазинов. Кажется, покупать что-то – такая же неотъемлемая обязанность современного человека как, например, работать. Впрочем, зачем еще нужны деньги? Не любоваться же

цифрами на электронном кошельке, правильно? Правда, говорят, до Великой войны некоторые так и делали. Честное слово, иногда, да нет, практически всегда мне кажется, что тот, старый мир был безнадежно болен.

Что же тогда так волнует, так привлекает в нем меня?

Клуб располагался в старинном подземном сооружении с высокими сводчатыми потолками. Сооружение это находилось почти у самого окружного шоссе, за которым возвышалась высокая, в два человеческих роста, бетонная стена с колючей проволокой поверх нее. Для того, чтобы войти в этот клуб, сначала надо было спуститься в мрачного вида подземный переход под окружным шоссе. Вторым выходом из перехода пользовались редко, в основном, только рабочие, обслуживающие стену и шоссе, так что в этом переходе непосвященные почти не появлялись. Здесь не было даже системы видеонаблюдения, за исключением совсем старинного фиксированного элемента, потому посетители в переход проходили бочком, минуя поле зрения этого древнего стража.

В переходе тускло мерцали забранные решеткой старинные люминесцентные лампы, а на подозрительного вида разношерстных скамеечках, неизвестно кем принесенных неизвестно откуда, сидели столь же подозрительного вида люди. Ближе к выходу было несколько парочек, на одной скамейке громко храпел торчок. Две соседние скамейки заняла стайка укэ и неко, возможно, нелицензированные проститутки-любители или просто из тех, кто готов отдаться за порцию ле-

гализы, а еще возле двух толпились непонятные личности – то ли наркоторговцы, то ли игроки, а может и просто шпана. Откровенно говоря, у меня не было ни малейшего желания подходить и выяснять. К счастью, политика клуба заключалась в том, чтобы не привлекать к себе особого внимания, а, значит, никаких конфликтов в пределах своей «зоны ответственности», они не допустят, потому в переходе мне, несмотря на обилие фриков и опасных личностей, совершенно ничего не угрожало.

У самой двери мне предложили «потянуть кальян». Я, понятно, отказалась; мне незачем дурманить свою голову, острых ощущений мне и без того хватит. Вообще не понимаю торчков и даже любителей легализы – что хорошего, когда не можешь контролировать свое состояние? Конечно, я, как и все, пробовала доступные удовольствия, это не только не запрещалось, но и, практически, поощрялось, но в подобного рода утехах не нашла для себя ничего приятного. Наоборот, когда меня охватывала эйфория, я пугалась, и как раз потому, что никак не управляла процессом. Оттого и не втянулась в это, и прекрасно, ведь моя голова – это мое богатство. И мое оружие.

На проходе, как всегда, стоял сэмэ-охранник, он же вышибала; конструировавший его терапевт постарался на славу, ростом сэмэ был выше семи футов, а кулаки у него были размером с мою голову. В маленьких глазах-щелочках особого интеллекта не наблюдалось, зато рожа с характер-

ной небритостью имела ожидаемо-устрашающее выражение. Имелся даже ассиметричный, но (для меня, пренатального терапевта это было очевидно) заложенный в план внутриутробного развития, шрам на левой щеке.

«Надо было добавить легкий тик», – лениво подумала я, протягивая ему идентификатор. Сэмэ провел им по считывателю и вернул мне после сигнала:

– Боюсь, сегодня Вам светит одиночество, тачи, – сказал он гулким голосом, забавно растягивая слова. – Неко еще ни одной нет, кроме той швали на лавочках, и, боюсь, не будет – все по блокам сидят, насильника боятся. Да и тачи тоже, Вы сегодня первая.

– Тогда я буду танцевать с укэ, – сказала я, дерзко глядя ему прямо в глаза. Он заржал, наверно, подумал, что я шучу. Я тоже улыбнулась, чтобы не разрушать впечатление.

И, правда, обычной толчеи не было. Оркестр (на дансинге была живая музыка в виде двух престарелых укэ, один из которых насилывал синтезатор, другой строил из себя диджея) предсказуемо играл что-то невнятное, но новомодное; на танцполе выделялось несколько пар, явно пришедших сюда вместе. Несколько не менее унылых сэмэ за этим наблюдали, попивая коктейли или легализу. Я подошла к бару в дальнем углу и тоже заказала коктейль, «Синтетик-87», некрепкий и с каким-то лекарственным привкусом. Укэ никогда не проявляют инициативу сами, как и неко, остается ждать, когда градус эйфории у сэмэ поднимется до нужных

мне пределов.

Интересно... нам говорили, что четырехполая система сделала людей не более свободными, такими закомплексованными, но когда было только два пола, человек, независимо от половой принадлежности, сам мог выбирать, каким ему быть. Даже если общество было активно против этого, можно было быть ренегатом, декадентом и плыть против течения.

Конечно, тех, кто поступал «не как все», «неестественно», преследовали, притесняли, порой даже превращали в изгоев и отщепенцев. Но, может быть, оно того стоило? Пусть такая жизнь была опасной, но не та ли это цена, которую следовало заплатить, чтобы получить вождеденное? Может быть, именно наличие этой цены и делало подобное поведение столь привлекательным? А что теперь? Теперь сэмы генетически обречены любить укэ, а тачи – неко, и никак иначе! А как можно по-другому? Гетеросексуальность предполагает риск неконтролируемого размножения, а человеческий геном без контроля – это вероятность мутаций. Что такое мутации, известно не понаслышке: на границах нашей страны существуют некогда превращенные в руины города, населенные одними мутантами. Гротескно-уродливые, несчастные из-за своей физической ущербности и агрессивно-опасные по психофизическим причинам, ведь телесное уродство, кроме всего прочего, всегда травмирует психику, мутанты – живое напоминание о том, к чему приводит «естественное размноже-

ние».

Но, получается, мы все равно не избавились от контроля и предопределенности. Так стали ли мы свободными? И можно ли вообще стать свободным? Иногда мне казалось, что это утопия, но я, при этом, никак не могла понять, почему об этом не следует говорить никому, даже социопсихологам. Последние, наоборот, постоянно твердят о «внутренней свободе, дарованной нам системой пренатального вмешательства». В этом, на мой взгляд, чувствуется какая-то фальшь, и я это знаю, пожалуй, лучше других.

* * *

Мелодии сменялись, а я все так же сидела и скучала у стойки. Народу было непривычно мало, а тачи и неко практически не было вовсе. Неужели же все действительно так боятся этого насильника? Нам говорили, что одним из недостатков общества прошлого была жизнь в постоянном страхе, и что в нашем обществе мы этого лишены. Выходит, одного сбрендившего сэмэ достаточно, чтобы карточный домик нашей защищенности рухнул? Тогда зачем мы производим столько солдат, раз они не гарантируют нашу безопасность?

Я чувствовала досаду и раздражение – градус эйфории все не хотел подниматься до нужного мне накала. Наконец, когда я совсем, было, собралась уходить, ко мне, все-таки, подошел сэмэ. Этот типчик мне сразу не понравился. Немолодой, на висках пробивалась седина; с резкими, грубыми чер-

тами лица и мясистым носом, к тому же он был капитально «на колесах», даже глаза покраснели, а я к торчкам отношусь со смесью недоверия и брезгливости. Легализа, конечно, дозволена к употреблению, но от этого она не становится безвреднее ни для здоровья, ни для психики. В другое время я бы даже заговаривать с ним не стала, но сейчас я понимала, что в этот вечер второго шанса может не случиться, и вскоре оказалась рядом с ним на танцполе.

И все изменилось. Танцпол действовал на меня просто магически, и я не могла этого объяснить себе, несмотря на то, что проштудировала всю доступную литературу по психологии, включая забытые и никому не нужные тома до-пренатального периода. Какое-то время я, доверяя метрам вроде Почтенного Магистра Сигизмунда, искала корни этого извращения в чем-то, связанном с детством или юностью...

Вот только наше детство и юность (вполне в согласии с заветами самих Почтенных Магистров) были полностью стерилизованы. Между гендернераспределенными никогда не было никакой психологической, социальной и поведенческой разницы, а биологическая разница была скрыта от нас удачным распределением по группам. Потом, на этапе градации личности, мы сначала выбирали то, чем нам хотелось заниматься. В тот год был великий хаос, я переходила из группы в группу, сменяя пейзаж за окном чуть ли не раз в семидневку; как-то незаметно на этом фоне прошло мое вступление во взрослую жизнь. Я до сих пор не понимаю, зачем это было

нужно, но через это прошли все. Это было тревожное время, когда ты просыпаешься и не знаешь, где ляжешь спать, в каком из общежитий Гарша, а может, и вообще в вагоне монорельса, несущегося по направлению к Весту...

Так что я была рада, когда все это закончилось. Меня даже не испугало то, как это произошло. Однажды, рано утром, тридцать первого числа второго осеннего месяца меня разбудил голос наставницы Френсис:

– Вставай, – тихо сказала она, и добавила вслух, – Ну-ка встала, быстро!

Я вскочила, надела синий комбинезон с желтой цифрой 13 на спине – традиционную одежду гендернераспределенных, обула ботинки с высоким берцем на застежке-«липучке», перепоясалась португесей и выскочила на улицу. В утренних сумерках я видела множество теней, в полной тишине спешащих куда-то, и поспешила за всеми. Мы прибежали на Главную площадь (в Гарше она называется Площадь Слияния). На площади было многолюдно, но, как ни странно, не шумно. Множество нераспределенных с озадаченными и даже напуганными лицами сновали, как тени, а воспитатели пытались привести эту толпу в порядок, и им, в конце концов, это удалось. К этому моменту верхушки небоскребов зазолотились – за рекой вставало солнце. Не знаю, обратил ли кто-то на это внимание, кроме меня.

Мы стояли на площади, множество одетых в одинаковые синие костюмы с цифрой 13 гендернераспределенных. Затем

со всех сторон послышался сильный голос: нам зачитывали Декларацию Равенства Полов. Не знаю, как другие, но до того утра я вообще не подозревала, что люди делятся по половому признаку, так что слова Декларации были для меня совершенно лишены смысла. К тому же я чувствовала себя неважно физически, и не могла понять, почему. Вскоре, однако, я об этом узнала – по странному стечению обстоятельств, с этим днем совпало наступление моей фертильности.

Но в тот момент я, как и все на площади, была гендер-нераспределенной. И, внезапно, все мы узнали, что кто-то из нас сэмэ, кто-то неко, кто-то укэ... нас вызывали по именам, но я ничуть не волновалась; у меня даже проснулся какой-то интерес. Меня вызвали словами:

– Тачи Ковалевска!

Пока я шла к группе тачи, я пыталась вспомнить все, что когда-нибудь слышала о своем гендере. Увы, слышала я мало, а те тачи, что мне встречались раньше, казались почему-то неприятными личностями. Мне больше нравились укэ, и даже немногочисленные, грубые сэмэ.

Нас отвели в одно из четырех зданий, выходящих фасадами на площадь, и завели в большой зал с куполом. Там нам пришлось ждать, притом довольно долго, а у меня некстати очень заныла поясница, словно я долго лежала в неудобной позе. Затем в зал стали по одному заходить магистры-тачи. Они останавливались у небольшой трибуны и вызывали

по шесть учениц. Магистр Мартен была четвертой, и вызвала меня первой.

Я несмело подошла к ней. Худощавая, высокая, с сильно заметной сединой, она по началу не вызвала у меня приязни. Я остановилась рядом с ней и посмотрела в ее очень светлые зеленовато-серые глаза.

– Ты выглядишь не очень хорошо, – сказала она. Голос у нее был глуховатым и слегка хриплым. – Ты плохо себя чувствуешь?

Я попробовала кивнуть, но не могла решить, утвердительно или отрицательно, потому лишь как-то неуверенно качнула головой.

– У тебя, наверно, болит поясница? – догадалась она. – Как будто ее продуло, я права?

– Магистр Мартен, вызывайте следующую, Вы задерживаете... – окликнул ее кто-то.

– Крайн-тачи, прошу не указывать мне, что мне делать, – в это мгновение лицо моей будущей Наставницы застыло, словно из него вся жизнь отхлынула в зрачки недобро прищуренных глаз. – Я отвечаю за своих воспитанниц, и прошу не вмешиваться.

Тем временем, она достала из нагрудного кармана воспитательского френча продолговатый кругляшек:

– Возьми и рассасывай, – сказала она, и при этом ее глаза мгновенно стали другими, теплыми, если так можно выразиться. – Это поможет... пока.

Я послушалась и посасывала драже все время, пока шла процедура. Мартен-тачи выбрала еще петерых девочек, а затем, дождавшись окончания церемонии выбора и прослушав гимн Свободы и Равенства, быстро увела нас в бокс, где жила сама и где теперь предстояло жить нам.

* * *

Почему-то воспоминания приходят ко мне в самый неподходящий момент; даже тогда, когда все тело, кажется, обжато пламенем, когда ноги ватные, а голова «плывет», словно от дозы легализы. С другой стороны, чем откровеннее становился танец, тем больше блекли, тускнели и таяли воспоминания. Мой партнер прижимался ко мне, я чувствовала движения его бедер, чувствовала, как его руки скользили по моей спине. Эти прикосновенья – я знаю, это прозвучит банально, но что поделать! – бросали меня в озноб, как при резком скачке давления или внезапной вспышке инфекции. Мой разум едва контролировал тело, а тело сгорало от желания. Я льнула к этому пожилому сэму, неприлично, как пьяная неко к тачи. Я, всегда такая собранная и серьезная, в эти минуты себя просто не узнавала. А в голове проносились волнующие образы, столь же неприличные, сколь возбуждающие.

Этот сэма шептал мне что-то совсем примитивное и вульгарное, от чего, как ни странно, возбуждение не спадало, а лишь нарастало. Я принялась отвечать своему партнеру, страстностью компенсируя неуверенность. Это было огромной ошибкой, но тогда я этого не понимала. Я вообще ни

о чем не задумывалась, а ведь еще недавно с презрением смотрела на закинувшихся легализой. Теперь я сама не контролировала себя, словно приняв хорошую дозу. В эти минуты вообще ничего в мире не существовало, кроме этого танца и партнера, в какой-то момент переставшего быть неприятным сэммэ, превратившегося в анонимный источник дурманящего, запретного удовольствия.

Музыка стихла; мой партнер пытался удержать меня, что-то спрашивал, но я отстранилась и почти сбежала с танцпола. Я испугалась своей страстности, испугалась того, что потеряла контроль. Я чувствовала стыд, сменяющий возбуждение, как удовольствие сменяется подчас болью. Остатки здравого смысла подсказывали, что мне нужно постоять отдохнуть где-нибудь в одиночестве, а затем вообще бежать подальше. Иначе все могло закончиться плачевно.

«Какая же ты, Стася, все-таки извращенка», – думала я, но даже это, даже понимание ужасной неприличности происходящего меня не останавливало. Схватив бокал с «Хот Айзом», я едва ли не залпом выпила это крепкое, но освежающее пойло, а затем отправилась в сторону уборных кабин. Но когда я, войдя в одну из них, попыталась закрыть дверь, мне это сделать не дали.

На пороге стоял и плотоядно ухмылялся мой давешний кавалер по танцам.

– Куда же ты, мальчик – колокольчик? – с неприятной хрипотой в голосе сказал он. Его дыхание пахло медикамен-

тами, и я знала, что это запах «торчка», привыкшего к многочисленным дозам легализы. – Не надо так спешить, ведь вечер еще не закончен.

У меня в душе похолодело. Я не настолько глупа, чтобы не понять, чего хочет этот сэмэ. Но если бы речь шла только о его желаниях! При привычном потреблении легализы у человека постепенно стирается система запретов и социальных табу. Торчок просто подчас не понимает разницы между «можно» и «нельзя». А это сэмэ, хоть и имел признаки наркотической деградации, был по конституции крепче и сильнее меня.

Его невозможно остановить, он не успокоится, пока не доведет дело до конца, и плевать ему на то, что я – тачи. А это значит... Ой, лучше и не думать о том, что это значит. Для отдельно взятой Ковалевской-тачи ничего хорошего это не значило.

Общество на многое смотрит сквозь пальцы до тех пор, пока ему не удастся взять тебя за жабры. А из этого захвата уже не вырваться, как ни крути. Общество – это хищник, никогда не выпускающий добычу, попавшую ему в когти.

Кричать было бесполезно; в зале начиналась новая песня в убогом, но громком исполнении местного оркестра имени халтуры, а перекричать студийные колонки еще никому не удавалось...

Глава 4: J'attends

*День ночь, так жизнь уходит прочь
В туман – самообман...,
Любить тебя, сегодня жить
Предел моим мечтам...
Моя любовь
Мне глаза закрой
Ночью успокой
Тем, что будем мы с тобой
Крепко обними,
И к себе прижми
Жизнь моя в твоей груди
Я жду
Мое сердце ждет
Я жду, что он в дверь мою войдет
Я жду...
На краю любви
(Это будет)
Я жду
Среди звезд и тишины.
Алекс Вурхисс «Я жду» (литературный
перевод)*

В ярком свете люминесцентной лампы сэмэ выглядел еще страшнее. То, что пренатальная медицина делает человека физически совершенным, не означает, что таким он и останется до самой смерти. Этот сэмэ воплощал в себе типично маскулинный тип красоты, но постоянное употребление хи-

мии и нездоровый образ жизни сделали свое дело – его лицо обрюзгло, мимические мышцы потеряли тонус, кожа стала рыхлой и нечистой, нос – бурым от капилляров, под глазами залегли мешки, а склера глаза пожелтела. К тому же волосы сэмэ изрядно покрыла седина, хотя вряд ли он был старше тридцати.

«Он умирает», – внезапно подумала я. – «Умирает, и знает об этом. Может, даже наслаждается этим».

Мысль была абсурдна, но я сама была слишком напугана для того, чтобы мыслить логично. Мое возбуждение как рукой сняло, его место занял липкий, первобытный страх. Фантазии это, конечно, хорошо, но, в реальности, все было совсем не так возбуждающе-романтично. Сейчас эта жестокая и некрасивая реальность надвигалась на меня в лице медленно убивающего себя сэмэ.

– Отвали, – я пыталась придать голосу уверенность, но в нем слишком явно проскальзывали панические нотки. Боюсь, это могло только раззадорить. – Отвали, кому говорят!

– И не подумаю, – криво улыбался сэмэ, и я заметила, что у него нездоровые зубы. В наше время надо совсем опуститься, чтобы довести зубы до такого состояния. В любой клинике за полчаса легко восстанавливают какие угодно повреждения дентальной ткани с помощью порции наноботов, а у него на стыках был видимый даже невооруженным глазом кариес. Мне стало гадко, но сэмэ было все равно. – Ну, что ты лома-

ешься, глупый, первый раз, что ли? Не маленький ведь...

Проклятье! Ситуация была патовой. Если даже оставить за скобками мою неприязнь к конкретно этому сэму и нежелание подвергнуться, фактически, изнасилованию, было еще нечто, что заставляло меня буквально вжиматься в угол кабинки. В том, что происходило, не было совершенно ничего необычного или предосудительного; умеренное сексуальное насилие у активов не только не преследовалось, но даже неявно приветствовалось, ведь это их отличительная особенность психики. Полагалось даже, что укэ нравится подобный стиль поведения... не знаю, я же не укэ, я сама активного типа, вот только насиловать кого-то у меня пока желания не возникало.

Подобные отношения, а именно, быстрый секс в клубе, даже с элементами принуждения, насилия (так называемый хурт-комфорт) были распространены и обществом совершенно не осуждались, даже более того...

– «По сути, долговременные отношения между сэму и укэ и между тачи и неко являются, в некотором роде, социальным атавизмом, уступкой с нашей стороны темному прошлому человека», – объясняли нам на уроках социальной психологии. – «Современные люди вовсе не нуждаются в постоянном партнере, ни с экономической, ни с духовной точки зрения. Наш современник абсолютно стабилен экономически и социально, он самодостаточен как индивидуум и не нуждается в каком бы то ни было длительном партнер-

стве, так называемых отношениях. Он больше не вынашивает и не воспитывает детей, становясь при этом уязвимым; болезни и травмы редки, и успехи медицины позволяют эффективно с ними бороться, а значит, всякая необходимость в коллективе как гаранте безопасности тоже отпадает. До самой смерти человек сохраняет экономическую и социальную активность и самостоятельность, не нуждаясь, как раньше, в уходе по достижению определенного возраста. Поэтому постоянное партнерство уже отмирает, и, со временем, отомрет, как отмерли родственные отношения и семья в привычном для человека прошлого понимании, как отмерли такие пережитки как ревность или целомудрие. Все государство, по сути, будет представлять собой совокупность в равной мере близких друг другу людей. К сожалению, человеческая психика очень консервативна, и сохраняет куда больше атавистического, чем нам хотелось бы. Для этого и созданы были социальные симулякры, вроде постоянного партнерства».

Секс без согласия партнера считался преступлением только в том случае, если в процессе повлек за собой нарушение здоровья, вызывающее длительный дискомфорт. Плохо было то, что я не была уверена, что смогу долго сопротивляться сильному сэмэ и не уступлю его домогательствам под угрозой серьезной травмы. А в том, что он способен ее причинить, я ни на минутку не сомневалась. Он же торчок! Тем более, что все видели, что мы танцевали, и вряд ли не замети-

ли, как мы танцевали. Выходит, я еще и спровоцировала его. Но и это было не самым страшным в моей ситуации. Дело в том, что, даже пожелай я заняться сексом с этим типом, я сразу попаду в поганое положение, так как то, что я не укэ он обнаружит еще на этапе предварительных ласк, если это можно так назвать в данном случае. И тогда не избежать скандала – торчок он или нет, но, чтобы его не обвинили в «предосудительном поведении», мой сэмэ все будет валить все на меня, и, кстати, вполне обосновано, ведь я действительно... Будем говорить откровенно, я преднамеренно выдавала себя за укэ. А это уже о-о-очень подозрительно. Не миновать мне самого пристального внимания социопсихологов, и хорошо, если только их. И это накануне диплома!

И тогда все мои жизненные перспективы сужаются до захудалого ЦР-а⁹ в каком-то древнем городишке на болотах или у гор. Прозябание без малейшей надежды когда-нибудь вернуться в нормальную лабораторию с нормальным оборудованием. Будь ты хоть сам магистр Грегори, если ты пренатальный терапевт в каком-нибудь Смотрящем Городе или Лагере Давида, где девяносто процентов населения – полулюди, там тебя и переработают по окончании социально-активного периода...

– Помогите... – еле слышно пролепетала я, заранее зная,

⁹ ЦР (Центр Репродукции) – медицинское заведение, осуществляющее пренатальное вмешательство в обычном, плановом порядке и обслуживающие установки вынашивания плода. Аналог родильного дома;

что никто меня не услышит. – Помогите!

Черт возьми, в это время у меня совершенно выпало из головы, что у меня есть мой скальпель, да и вряд ли я бы успела его достать, тем более активировать.

– Не надо мне помогать, я сам справлюсь, – гадко ухмыляясь, заявил сэмэ. Он грубо сграбастал меня за плечи, пытаясь притянуть к себе. Я зажмурилась, чувствуя, как мир вокруг меня рушится...

– Оставь его в покое, сейчас же!

Я сначала даже не поняла, что произошло, но сэмэ выпустил меня из своих медвежьих объятий. Я тут же постаралась отодвинуться от него подальше, но лишь уткнулась спиной в шершавый холодный бетон стены.

– Это кто здесь гавкает? – сказал мой обидчик, разворачиваясь.

– Вышел вон отсюда, – ответил все тот же голос, молодой, но с нотками уверенности. – Не видишь, парню ты не нравишься.

Наконец-то я смогла рассмотреть своего защитника. Это был укэ. Он выглядел моложе меня на год или два, но был высок и хорошо сложен. Могу сказать, что его пренатальный терапевт постарался на славу. Возможно, конечно, на мое впечатление о нем повлияло то, что он встал на мою защиту?

Я попыталась воспользоваться моментом и проскользнуть мимо сэмэ, но тот легко удержал меня:

– Постой, мы еще не закончили, сказал он тоном, не пред-

вещавшим ничего хорошего. – Сейчас, только разберусь с этим молокосос...

Я даже не заметила, как все произошло. Вроде бы, секунду назад сэмэ мерзко ухмылялся совсем рядом, и вдруг раздался звук удара, и он, не переставая криво лыбиться, сполз по стеночке, прижимаясь к ней лицом.

– Я же просил, по-человечески, – с досадой в голосе прокомментировал укэ. При этом выражение его лица было таким невинным безмятежным, словно это не он только что виртуозно приложил о стену взрослого сэмэ! Вот тебе и укэ. Сэмэ, между тем, с горем пополам сохранил равновесие, подобрался, утробно зарычал и бросился на обидчика, но наткнулся на предусмотрительно выставленное вперед колено, крикнул и буквально сел на пол.

– Я ж тебе человеческим языком говорю, оставь парня в покое! – твердо заявил укэ, надвигаясь на опешившего противника. – Учти, я два раза не повторяю. Еще одна попытка доказать свою крутизну, и я тебя, во-первых, хорошенечко отметелю, а потом отмудохаю, да еще и всему клубу расскажу, как я сэмэ выдрал. Думаешь, не смогу? Тогда давай проверим!

Сэмэ попытался подняться; губа у него была разбита, из ноздри текла кровь. Скорее всего, проверять ему не хотелось, поскольку он медленно кивнул.

– Вот так бы и сразу, – улыбнулся укэ. – Приведи себя в порядок, прежде чем выйдешь. Тоже мне, сэмэ... Ты как

на предмет пропустить по коктейльчику? – обратился он уже ко мне. Глаза его озорно поблескивали. Может, это у него такой способ достижения экстаза? Как у меня танцы...

О танцах почему-то думать не хотелось. Я кивнула, он взял меня за руку и вывел из кабинки. На побитого сэма я старалась не смотреть.

– С-спасибо, – выдавила я из себя.

– Не за что, – пожал плечами укэ. – Не люблю таких. Куда только пренатальные терапевты иногда смотрят? Ну какой из него сэма?

Я лишь плечами пожала. Что можно было сказать? Почтенный Магистр Вентер завещал восстанавливать любой жизнеспособный геном, но каждому пренатальному терапевту известно, что разница между солдатом и сэмом порой не так уж и велика. Грань отыскать трудно. Ходят упорные слухи, что современная пренатальная терапия руководствуется противоположным принципом: «если сомневаешься, лучше зачищать до получеловека». Я в это не верила, поскольку была влюблена в свою профессию, но...

Вообще-то, после сегодняшнего знакомства такой подход казался мне разумным. Может, таких действительно следует зачищать?

– Ты куда больше похож на сэма, чем он, – сказала я неожиданно даже для самой себя. Как оказалось, я попала в точку – парень засиял, как Грязная под июльским солнцем. Теперь он казался совсем молодым, но было в нем что-

то не по годам зрелое, мужское. Не маскулинное, а именно что-то от тех древних и ужасных представителей мужского пола, еще не разделенных на сэмэ и укэ. Первобытное, но, конечно, не во внешности, а во взгляде, в движениях. В его поступках.

– Мне иногда тоже так кажется, – ответил он довольным тоном. – Совсем не воспринимаю себя как укэ. Мне даже трудно общаться с... с другими. Укэйная компания мне не нравится, а сэмэ видят во мне только объект для утоления сексуальных потребностей.

Между прочим, на месте любого сэмэ я бы за таким мальчиком ох, приударила! Он действительно дивно хорош собой, даже на общем фоне. А еще, в нем, как я уже упоминала, была эта совсем не укэйная маскулинность.

И тут я поняла:

– Ты из-за этого так хорошо выучился драться? – спросила я. Искусство в наши годы и впрямь забытое, хотя, наверное, зря. Я думаю, что, когда по городу разгуливают маньяки-насилъники, умение защитить себя никому не помешает, даже неко.

– Не совсем, – он поправил непослушную прядь черных волос. – Готовлю себя к военной службе. Медицина катастроф – это ведь и военная медицина тоже, вот у меня как раз специализация такая, военная медицина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.